

**АЛЕКСЕЙ
ЧЕРТКОВ**

**И БЕЛЫЕ, И ЧЕРНЫЕ
БЕГУНЫ,
ИЛИ КОГДА ОТТАЮТ
МАМОНТЫ**

Издательские решения

Алексей Сергеевич Чертков И белые, и черные бегуны, или Когда оттают мамонты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8233052

Аннотация

Политтехнолог Гулидов соглашается на предложение банкиров привести к победе на губернаторских выборах в богатом запасами алмазов, золота, нефти северном регионе ставленника олигархов. Найденные им в семейном архиве документы, свидетельствуют о давних планах зарубежных спецслужб завладеть ресурсами Арктики. Разные поколения одной семьи будут противостоять этим замыслам. Приключения героев книги, происшедшие с ними на побережье Северного Ледовитого океана в 1880—х годах и в устье реки Колымы (1943—1944 годы), написаны по рассказам очевидцев и архивным источникам.

Вторая книга из дилогии автора (первая – «Алмаз в невидимой оправе» вышла в свет в 2008 году).

Содержание

1 Иероглиф «Проколотое мясо»	4
2 Пароль на порносайте	24
3 И звери тёмных лесов	37
4 Призрак шхуны «Алеут»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алексей Чертков

И белые, и черные бегуны, или Когда оттают мамонты

*Посвящаю светлой памяти моего деда
Алексея Захаровича Черткова.*

1 Иероглиф «Проколотое мясо»

Не касаясь земли, куда-то вдаль, в сторону уплывающих облаков, бежала полная женщина, увлекаемая двумя ухоженными породистыми псами. Округлые ягодицы бегуны колыхались при каждом движении налитых ног, как будто какой-то пластический хирург-виртуоз вставил в женский круп два гелевых полушария от школьного глобуса.

Короткие волосы попастой были одного цвета с собачьим окрасом. Движения этой удалой парочки были на удивление синхронны: уши и хвосты, как и «материки» и «океаны» «глобуса», подпрыгивали в такт их стремительной поступи. Создавалось впечатление, что баба с оттопыренной задницей только что спорхнула с одного из парковых постаментов, отряхнула белую известь и понеслась прочь, боясь, что её побег не останется незамеченным. Между тем люди в округе

были заняты своими мелкими делами и не обращали никакого внимания на бегунов, удаляющихся в сторону горизонта, обильно украшенного пунцово-красными красками заката.

Прошло несколько минут, а пушистые облака и дама-паятник с упряжкой собак всё бежали и бежали, наслаждаясь дарованной свободой. Несмотря на столь идиллическую картину, наблюдавшему её Гулидову вдруг стало тревожно на душе. Он неожиданно поймал себя на ощущении того, что вместе с беглецами из его размеренной жизни окончательно уносится прочь так полюбившееся ему за последние годы безмятежное спокойствие...

Гулидов давно отошёл от дела всей своей жизни, которое в насмешку называл мордоделанием. Последние прямые выборы главы республики десятилетней давности, в которых его команда одержала победу, наделали много шума. Кандидатов на судьбоносный пост президента далёкого северного региона судебными решениями по несколько раз снимали с дистанции, отменяя регистрацию. Затем их восстанавливали, опять снимали. Цирк, да и только. Плодами победы, как водится, воспользовались те, кто копий не ломал, а тихонько стоял в стороне, ожидая своего часа и доходных кресел. Гулидов же не стремился занять какой-либо пост в новой администрации, сторонился любых разговоров с заезжими

пиарщиками на эту тему. Он тогда ещё тосковал по своему фруктовому саду и благодати загородного времяпрепровождения. Вернувшись из длительной командировки, он предпочёл укрыться от любопытных глаз на даче, благо располагалась она совсем неподалёку от небольшого городка в трёхстах верстах от душной и пыльной столицы.

Здесь-то он и облюбовал небольшое кафе на базарной площади. Главной достопримечательностью заурядной забегаловки был её хозяин и повар в одном лице – приветливый армянин Ашот. Сын Закавказья установил кухню посередине основного зала. Новшество сократило посадочные места в этой точке общепита, но имело и ряд преимуществ: люди могли наблюдать за приготовлением своего блюда, корректировать рецептуру, а заодно убивали время – пересказывали Ашоту последние новости, услышанные в городе и по телевизору. Ловко орудуя своими огромными волосатыми лапами, добродушный армянин приправлял особыми специями готовящийся шашлык, люля, долму и с шутками-прибаутками выдавал клиентам необычайно вкусные и ароматные порции.

Атмосфера заведения была по-домашнему гостеприимна, но случались и происшествия.

– Захожу я с приятэлем в одно московское кафе, чут ли нэ в цэнтрэ, рядишком с Крэмлём, – делился подробностями своей поездки в столицу хозяин. – Спрашиваю у официанта-таджика: «Пиво разливное эсть?» «Эсть», – говорит

он. «Принеси!» Приносит что-то в стеклянной бутылке. Я ему: «Паслушай, дарагой! Я тебя русским языком с армянским акцентом папрасил принести разливное пиво. А ти принёс в бутылке! Бутилочное! Разницу нэ понимаэш?» «Канэшно, панимаю, – отвечает таджик. – Я же его сейчас в кружку налью, значит, пиво разливное!» Га-га-га! Ти саабражаэш, Серога? – Он хлопнул по плечу здорового детину. – Вы тут, в России, нас чурками называете, а сэйчас азиаты понаприезжали и такие коры мочат, что мама не горюй! Кто сэйчас достоин этим обидным прозвищэм називаться? Кого обзывать будэш?

Парубок отчего-то поболтал своей бритой головой в разные стороны, как будто старался что-то найти в ней или по крайней мере поднять на поверхность с глубин памяти умную мысль. Он заметно покраснел, вылупил глаза и с гневом выпалил в лицо улыбающемуся Ашоту гневную тираду:

– Один хрен! Всех чурок на кол! Разбираться никто не станет, кто прав, а кто нет, если какая заварушка случится? Никто! Будет как у хохлов на Майдане: вилы – в бок, обрез – в рыло, коктейль Молотова – за шиворот. Там и поговорим! Так что давай быстрее клепай свой люля и не положи мне мозги!

– Вот и пагаварыли... Ти, Серога, отчего такой строгий? Это же шютка! Шютка такая, – попытался сгладить ситуацию Ашот.

– «Я меняю шютки на прибаутки» – так мой корефан гово-

рит. А он зря болтать не будет. Не то что твоя волосатая морда! Трепитеесь и трепитеесь, никакого толку от вас нет. Вы мне все уже вот где! – Парень провёл большим пальцем по своему горлу.

Конфликт назревал на ровном месте. Понимая, к чему это может привести, Ашот отвернулся от не по делу возбудившегося посетителя и угрюмо стал надраивать чугунную сковородку, бормоча что-то непонятное на родном языке. Может, он делился со сковородкой своими взглядами на странную миграционную политику властей, а может, уговаривал её стать его орудием, случись что. Кто же его знает?

Конечно, в забегаловке время от времени вспыхивали и драки: одни не поделят меж собой столик у окна, другие – весёленьких подруг, третьи отказывались поесть кавказские блюда. В их потаённом сознании в одночасье, видите ли, просыпались гурманы, и в сиську пьяная клиентура, насмотревшаяся сериалов, требовала буржуйских деликатесов – устриц и улиток. Ашот пытался угодить всей этой разномастной публике, проявляя невероятные дипломатические способности и навыки миротворца.

Впрочем, со временем инцидентов становилось всё меньше и меньше – заведение «У Ашота» стало пользоваться у местного общества доброй славой.

Зимой в кафе было малоллюдно. Летом духота выгоняла посетителей на дощатую террасу. Гулидов же сторонился любого общества и постепенно свыкся со своим затворниче-

ством. Дефицит общения восполнял наблюдениями за местными нравами: хамством привокзальных торговков, забавами местной братвы, слоняющейся в поисках подвыпивших фраеров на железнодорожной станции и халявного пойла, пустыми разговорами обывателей о незавидном положении с кормами для скотины, видах на урожай, заготовке солений.

С приходом тепла чуть ли не каждый провинциал считал своим долгом отметиться на базарной площади. Кто-то приходил сюда за покупками, кто-то – за новостями. Для иных поход этот был нечто вроде выхода в высший свет: дамы – обитательницы окрестных развалюх – прихорашивались, выгуливая отдающие нафталином платья и юбки. В воздухе здесь стоял стойкий запах жареных семечек, прокисшей капусты, плесени от не успевающих высохнуть луж и гнилых досок, по которым и перемещались люди, минуя грязь и лужи, демонстрируя при этом чудеса эквilibра...

Пока Гулидов пребывал в обывательской неге, в столице произошло событие, в корне меняющее привычный ход жизни отставного пиарщика.

– Сегодня я подписал закон о возвращении прямых губернаторских выборов, – объявил по телеящику большеголовый человек в традиционно синеватых оттенках однотонном костюме и завязанном на шее большим узлом галстук.

Гулидов приподнялся на локтях и всунул свой зад поглубже в чрево старенького расшатанного кресла. То в свою очередь проскрипело невнятным фальцетом, но нащупало точку равновесия и, вопреки законам физики, не развалилось под ответственным грузом.

– У-у-у, слабинку дали, – поморщился он. – Тоже мне вертикаль! Пришли к тому, от чего ушли. Снова наики да урки головы поднимут.

Два стареньких цветных телевизора этажеркой возвышались на тумбочке. Он перевёл взгляд на экран прибора номер три, взгромождённого в отличие от двух других на невысокий платяной шкаф. Там очередной шутник-телеведущий в цветастом пиджаке, напоминающем халат деревенской бабульки, травил спич о критериях выбора невесты. На Первом канале российского ТВ, как это ни странно, сватали заморского гостя – низкорослого живчика-итальяшку. Собрат Берлускони – такой же лысеющий и престарелый, как его знаменитый земляк-ловелас, – выбирал в жёны статную русскую девицу. Он без умолку лопотал ей ласковые слова, корчил умиротворённые гримасы. Не дожидаясь согласия зардевшейся дивчины, апеннинец моментально прижал потную головушку к шикарному бюсту невесты, тем самым недвусмысленно обозначив главное направление своего натовского удара.

– Хотя... Хотя нет худа без добра, – вернулся к теме дня Гулидов, оставив парочку миловаться без него на глазах

многомиллионной зрительской аудитории.

Он потянулся было к коробке с материалами последней избирательной кампании, что пылилась в углу его тесной квартирки, но убрал руку. Очнись, дружище, на дворе другие времена! «В карете прошлого далеко не уедешь!» – вспомнил он переделанную горьковскую фразу. Походил в размышлениях по комнатке. Вышел во двор. Там ветер нещадно трепал выросшие по краям участка берёзы. Повалил снег. Настроение заметно улучшилось.

«Пришла и к нам на фронт весна, солдатам стало не до сна...» – вдруг стал он напевать слова давней фатьяновской песни, чему сам несказанно удивился.

От «Южки» до «Марьиной Рощи», где Гулидову была назначена встреча, ехать в вагоне метро с одной пересадкой минут сорок. В начале одиннадцатого в подземке народу немного. Офисный планктон в своих конторках уже давно стучит по клавиатуре компьютеров, пенсионеры в это время без особой нужды не ездят, гостям столицы вроде как ещё рановато. «Подремлю», – решил Гулидов и, уютно пристроившись на крайнем сиденье ближе к двери, сдвинул пониже козырёк кепки. Неожиданно его взгляд уткнулся в босые ноги с разбухшими, исковерканными пальцами, торчащими из-под лохмотьев джинсовых брючин. Тёмно-сиреневые

ступни представляли собой неопределённую субстанцию обмороженных человеческих конечностей с комьями прилипшей к ним грязи и запёкшейся крови. Это неестественное для зимы явление заставило содрогнуться не только нашего циника, но и соседей по вагону. Мужчина без обуви немного замялся у входа в вагон, не решаясь в таком затрапезном виде присесть на свободное место. Затем он, по-видимому, решил, что стоя привлекает к своей внешности больше внимания пассажиров, и занял крайнее место аккурат напротив Гулидова.

Поезд тронулся с места. Что бы потом ни делал в пути Гулидов – заставлял себя думать о чём-то постороннем, читал подхваченную у распространителя газетку или пытался задремать, – глаза сами находили израненные ступни бедолаги, которые тот, как ни старался, не мог никуда спрятать от недоумённых взглядов попутчиков. Чувствовалось, что лишенцу и самому было неловко и стыдно пребывать в столь щекотливом положении. Но деваться ему было некуда, оставалось только потирать одну ногу о другую, борясь с пронизывающим тело холодом и сквозняками подземки. «Ну, хорошо, – сдался мысленно Гулидов, – давай поразмыслим, кем он может быть. Гастарбайтером? Не похож – физиономия явно русская. Жена, подлюга, выгнала? И это мимо. Бывают, конечно, стервы, но, чтобы так издеваться над человеком, нужно не в столице жить, а ещё и на службе в гестапо или у бандеровцев состоять. Пьянчужка? Тоже в молоко –

из одежды на нём вполне приличные рубашка, свитер, джинсы. Забулдыги в цивильном обычно не ходят. Смотрит в пол виновато, опустил низко голову – явно ему конфузно. Пострижен аккуратно. Щетина, правда, двухдневная – выдаёт загулявшего или сбившегося с пути бедолагу. Как же он побредёт дальше босой по снегу, обильно сдобренному коммунальщиками реагентами, которые разъедают обувь, не говоря уже об обнажённой подошве человека?»

«Станция „Чистые пруды“, переход на станции „Тургеневская“ и „Сретенский бульвар“», – булькнуло в динамике. Гулидов нащупал в кармане несколько купюр и вложил их в руку прикорнувшему мужику. Тот посмотрел на него удивлёнными, добрыми, как у сенбернара, глазами и опять стыдливо склонил голову. Что-то подсказывало Гулидову – это была не последняя их встреча. В расшатанном от увиденного в метро состоянии он выскочил из вагона и направился в офис к уже знакомому нам «золотому унитазу».

В кабинет к Рвачёву его препроводил услужливый, широкоплечий шкаф-охранник. Всё время следования по длинному коридору тот почему-то ощупывал левую полу своего пиджака, словно там у него поселилась хлебная жужелица, сигнализирувавшая о приближающемся обеденном перерыве. Так и есть – шеф изволил потчевать в комнате отдыха,

обставленной на европейский манер. Викентий Ларионович подходил к этому действию самым наисерьёзнейшим образом: серебряная посуда была расставлена как войска на параде – вилочка к вилочке, ножичек к ножичку. На столе возвышались бутылка коллекционного вина из винограда «мавруд», антикварные кубки и ваза с вензелями забытых рыцарских эпох. Казалось, в таком антураже на тарелке, украшенной царскими гербами, должен красоваться, по крайней мере, фаршированный фазан с паштетом или перепела в сметане и с сырными кнелями.

Однако перед Рвачёвым стояла широченная ладья с японскими сашими – ломтиками хираме, морского леща, марлина, банального лосося. Чуткий нос Гулидова уловил раздражающие вкусовые рецепторы запахи соевого соуса с васаби и маринованного имбиря. Налившиеся питательным лоском щёчки его бывшего комсомольского товарища, после развала Союза вкусившего прелести банкирской жизни, разругались. По мере поглощения рыбьих тушек они постепенно увеличивались в размерах, приподнимая на своих округлостях нелепо оттопыривающийся пушок рыжих бакенбард.

– Садись, бя, – жующий указал на стул напротив себя.

– Присяду, – парировал Гулидов.

«Гавнюк! Даже перекусить не предложил». Но трапезничать с таким уродом ему уже расхотелось.

– Мне с тобой миндальничать некогда, я сразу к делу, бя.

– Валяй.

– Мои друзья там... – банкир посмотрел в потолок, – решили сыграть по-крупному – попилить один большущий регион, бя. Ну, сам понимаешь... нужен чел с опытом, который займётся этим аккуратно, без надрыва. Я рекомендовал тебя. Не возражаешь? Чем сейчас занимаешься? Опять, небось, девок по саунам тискаешь, как раньше...

Гулидов хотел было что-то ответить, но куда уж там вставить слово. Да этого от него, в принципе, и не требовалось.

– Разгул сепаратизма на окраинах государства нашего, бя! – начал высокопарно Рвачёв.

Особый комизм этой фразе, произнесённой с набитым заморской снедью ртом, придала тушка самой обыкновенной креветки. Она проскользнула между деревянных палочек и шлёпнулась аккуратно в чашечку с соевым соусом.

Банкир поморщился, приложил салфетку к бледно-фиолетовому галстуку «в огурцах» и с нахлынувшим вдруг остервенением продолжил:

– Помнишь, Абрамович был губернатором Чукотки? Все над ним ещё посмеивались, бя. Но он – чудак, как ты догадываешься, только на первый взгляд. За это время его команда там здорово окопалась. Ты много слышал сводок с полей о рекордах по добыче золота или ещё каких благородных металлов в этой самой Чукотии? То-то! Тишина. А денюжки любят тишину! Носом чую. Ушёл Ромыч, «Челси» свою лелеет, а дело его живёт и процветает. В тишине и снежном безмолвии. Это, считай, наш форпост на дальних берегах,

бля буду!

Рвачёв хотел было опять сделать величественный жест, но покосился на креветку, разбухшую в соусе, и передумал.

Гулидов, конечно, мог потребовать пояснений: при чём тут Чукотка, форпост и сепаратизм? Но не стал. Надо будет – сам расскажет. Слишком хорошо он знал породу таких людей. Уж коли им что-нибудь в голову втемяшится, то они нипочём не отстанут, всех на уши поставят. А если впереди ещё и бабло замаячит, то туши свет и записывайся в Красную армию.

– Вот ты думаешь, эти сашими – такая примитивная японская еда? – Банкир для наглядности расплющил один рол. – Ошибаешься, сердечный! Иероглифы в названии этой бездельницы означают «проколотое мясо». Рыбе прокалывают мозг, бля, чтобы она не мучилась и не вырабатывала молочную кислоту. Так жрать её полезней для здоровья. Представь себе, бля: самураи и об этом думают, когда даже столь бесполезную ракообразную тварь жизни лишают. Мы-то о таких мелочах не задумываемся, бля!

Вот и мы, то есть я со товарищи, хотим нанести такой же мощный, но точечный удар. В атрофированный на нефтегазовых харчах мозг кремлёвской элиты. Огромная часть страны, считай, бесхозной под ногами валяется. Со всеми её золотом, газом, алмазами, нефтью, углём. Горстка аборигенов не в счёт! Но нужно так вдарить, так вдарить, чтобы потом, бля, ни одна тварь вякнуть против этого не посмела! Властям

сейчас не до этого – она в евромайданах вязнет, куда миллиарды гринов скидывает. И второй фронт у себя под носом ей открывать ой как не хочется. Мы в Украине милой чуток потянем с беспорядками, но всему есть предел. Ситуация назрела, бля! Назрела! Понял ты это?

– Хм... – Гулидову наскучила параноидальная речь новоиспечённого фюрера.

– А ты, бля, не хмыкай! Мы тут время зря не теряли. Бюджет нашей баталии свёрстан. Цели определены. Артподготовка уже началась. Слышал, небось, как бородатый философ Другин заявил по ящику, что надо искоренять политический сепаратизм регионов, а особо строптивых поделить на отдельные субъекты? Вот мы и поделим! И распилим, бля! И объединим! Но уже под себя, бля, а не под кремлёвских подсирал. Лучшие же территории с нехилыми запасами присоединим к себе, отбросами пусть инвалиды занимаются. Некогда нам в этой помойке ковыряться, бля! Надо гнать аборигенов от океана, создать им на границах буферные зоны из национальных районов. А недра? Недра мы должны обернуть в свою пользу. Но это не твоя забота.

– Конечно, как недра делить или активы, так это сразу не моя забота, – буркнул для приличия Гулидов.

– Не твоя! Кишка тонка! Бля! Чего удумал? Ты одиночка. А здесь волки стаей ходят...

Рвачёв с откуда-то взявшейся яростью так сильно бросил японские палочки, что они отпружинили от крышки стола

и приземлились на персидский ковёр ручной работы. Банкир поморщился.

– Ну что, берёшься, бля? Пятьдесят тысяч зеленую в месяц. Само собой перелёты, гостиницы, взятки, девки – компенсируем. Собьёшь план, расходы избираловки и вперёд. И не мелочись, бля! Играем по-крупному, без дураков!

– Избирательной?

– Глухой, что ли? Именно – избирательной! Вчера вон Дима выборы губернаторов вернул, бля. Ты телек-то смотришь?

– Три.

– Что «три»?

– Три телека смотрю одновременно по разным каналам.

– То-то, я гляжу, тормознутый ты какой-то... Но это дело поправимое, бля! На морозах и ветрах враз всю эту московскую блажь и хандру изведёшь.

– Решение по возврату прямых выборов – это... вы?

– Не без нашего участия, – довольно крякнул Рвачёв. – Нам нужна легитимная власть. Слышишь, легитимная, считай – народная, бля! А не филькина грамота.

– Чтобы от имени народа этот самый народ и... грабить.

– А ну, цыц! Ишь праведник какой выискался, бля! На самом пробу негде ставить. Напомнить тебе, кого это Рудаков у себя в кабинете Гебельсом называл? А ведь не последним в ельцинской команде слыл человеком! На Гохране сидел в статусе замминистра финансов!

– Кого же в губернаторы ставить будем?

– Не соображаешь? Бля! Меня, кого же ещё! У тебя что, есть ещё кандидатура, бля?

– Ну, тогда конечно, кто же супротив самого Викентия пойдёт?

– Издеваешься или правда так думаешь? Говори прямо, бля! Короче, мне с тобой лясы точить недосуг. Берёшься за это дело или нет?

– Подумать можно? Нешуточную ведь вещь задумали.

– Можно... Но только три минуты. Думай, пока кофе допью.

– Почему я?

– Сам не врубаешься? Ты же родом из тех краёв. Значит, внедряться в местную специфику сподручней. Нациков тамошних и олигархов доморощенных как своих знаешь. Потом ты битый, бля, а за таких вдвое больше дают. И тюремного срока тоже, бля! Ха-ха, умора! Всё, время пошло!

«Двинуть бы ему от всей души в заплывшую салом харю, да жаль руки марать о такую мразь, – размышлял Гулидов, наблюдая, как банкир намазывает на маленькие кружочки оладушек чёрную икру и моментально их глотает. – С другой стороны, задача интересная, чего бы не попробовать? Хотя можно оказаться в очень и очень щекотливой ситуации. И неизвестно, куда ещё кривая дорожка выведет. Это у них на бумаге и в банкирских расчётах всё стройно и ладно. Бизнес-план, понимаешь. А как что не в тему, так скидывай

белые одежды, натягивай армейский камуфляж. Привыкли людишек не за фунт изюма пачками скупать, а строптивых и неугодных в бетоне хоронить. И как таких уродов земля носит? Что-то никак, сколько ни твердили миру, не срабатывает идеалистический закон о добре, всегда побеждающем зло. Ой, не срабатывает... Или всё настолько смешалось в доме Облонских, что без очередной революции не обойтись? Видимо, не надоело ещё людишкам крушить всё без остатка и на руинах заново строить подобие новой жизни, которое в итоге оказывается ещё более уродливым отражением своего прошлого. И только такие прохвосты, как мой приятель, и могут поймать в этой клоаке золотую рыбку. И ловят же!»

Гулидов лихорадочно соображал: «Задача рвачёвская на порядок труднее, чем раньше будет. Как бы без башки не остаться. Хотя... если сейчас откажусь, то не факт, что не упрячут в психушку: мол, много знал, изображал из себя Аллена Рэймонда¹. Тогда точно никогда больше не позовут, уж больно много он мне рассказал. Вон как желваками ворочает, хотя прямой заинтересованности для вида не подаёт. Другого выхода Викуша мне не оставил. Придётся соглашаться. Как говорится, Бог не выдаст, свинья не съест».

Гулидову отчего-то стало смешно от сравнения банкира с этим неряшливым животным. В его воображении предстал

¹ Известный американский политтехнолог, специализировавшийся на «чёрных технологиях».

свинарник, на полу которого в грязи сидели банкиры в белых манишках, пожиравшие нечистоты. Жрецы золотого тельца при этом причмокивали, нахваливали друг другу отбросы пищи и толкались в очереди к банкомату, стоящему посредине зловонного помещения. Они пытались засунуть свои золотые кредитки в его приёмник, чтобы получить наличные для продолжения пиршества.

– Хорошо. Будь по-твоему. – Гулидов постарался вложить в интонацию как можно больше безразличия.

– Вот и ладненько, – отчего-то сразу обрадовался Рвачёв. – Чего ломался, бя? Работать будешь в тесной связке с ДТП. Да не стремайся так – с Дмитрием Тимофеевичем Податевым! Он из бывших фэсэошников, полкан. К телу был приближённым. Толковый, бя! Но будь с ним настороже. Сам понимаешь... Связь со мной через Стеллку поддерживай. Надеюсь, номер её мобильного ещё не забыл? Но знай: если замечу, что ты опять к ней подкатываешь, бя, яйца отстрелю и не задумаюсь. Такого баракла на рынке – только свистни. Ладно, шучу, гениальный ты наш! Вот тебе подъёмные, так сказать. Сдачи не надо! Гы-гы...

С этими словами банкир выложил на стол две пачки долларов. Новенькие сотенные банкноты, опоясанные широкой бумажной лентой, соблазнительно отливались серо-зелёным цветом.

– Бери, чего пялишься, бя? – заёрзал в кресле Рвачёв.

– У меня два условия.

– Какие на хрен условия? Ты что, с дуба рухнул, бля? Подключены мощные силы, администрация, банки, чиновники, депутаты, эти... как их там... брехуны – политологи, будь они неладные! А он – условия! Ты соображаешь, чего несёшь, бля? Или в своём Мухосранске вообще поляну не сечёшь? Это тебе не в грядках, бля, ковыряться!

– Первое, – прервал Гулидов желчный панегирик Рвачёва, – не называй меня впредь «сердечный». Это раз. И второе – мне нужно право на один выстрел.

– Чего-чего? Чего тебе нужно? Ну ты, бля, загнул! Из Царь-пушки, что ли?

– Контрольный выстрел. И чтобы твои прикормленные менты меня прикрыли.

– Мечь, что ли? Ты давай, бля, не гони...

– Рвачёв, мы оба знаем, что в любой избирательной кампании, особенно такого масштаба, заводится крыса. За бабло или какой другой интерес одного штабиста наверняка конкуренты на крючок возьмут. И я сам должен с ним разобраться. Сам, слышишь? Иначе работать на тебя или, как там... на твоих я не буду.

– Не будет он! Да кто тебя спрашивает, бля? Будет он, не будет он... Что-то личное?

– Личное. Никак от прежней заварухи не отойду. Помнишь? Больше десяти лет прошло. Всё перед глазами. И сука та... Надо не исключать повторения пройденного и быть готовым к отпору.

– Если бы не... Ну, да ладно, хрен с тобой, будет у тебя такой шанс, бля. А там поглядим.

– Запомни, ты слово дал.

– Запомню, запомню, бля. Катись, достал ты меня.

Банкир махнул на собеседника рукой и переключился на другие дела: позвал маячившего неподалёку помощника в белоснежной рубашке и тёмно-сером костюме, похожего на отличника-переростка, и что-то стал тому громко выговаривать.

Гулидов рассовал пачки долларов по внутренним карманам и покинул неприятную компанию.

2 Пароль на порносайте

«Что это вчера было?» – с этой пронзающей мозг мыслью Гулидов открыл глаза. На стенных часах было уже половина первого, но плотные шторы не давали дневному свету возможности проникнуть в его убежище. Недопитая бутылка золотой текилы валялась рядом с кроватью. Голова не болела – и то ладно.

Мобильник затрезвонил в самый неподходящий момент. Пришлось выплюнуть зубную пасту в раковину и схватить подпрыгивающую трубку.

– Добрый день! Господин Гулидов? Это Дмитрий Тимофеевич, – сиплый мужской голос заглушила трамвайная трель. – Нам надо встретиться по вчерашнему разговору, желательно сегодня. Жду вас в три часа в холле гостиницы Ritz.

В холле так в холле. Гулидов для порядка опоздал на пятнадцать минут.

Голос из трубки принадлежал человеку невысокого роста, с огромными болезненными мешками под глазами, коротким непокорным ёжиком на голове. По манере держаться угадывалась чекистская выучка. А по значку с российским гербом на лацкане пиджака можно было сделать вывод, что со своим прошлым он расставаться пока не намерен.

– Много слышал о вас, – начал полковник издалека.

– Надеюсь, не только мерзкого, – Гулидов решил сразу

взять, что называется, быка за рога. – К чему, полковник, эти сантименты?

– Тактический прием, – подыграл тот.

– Предлагаю перейти к стратегии.

– Не против. Нам предстоит непростая операция. Знаете, в чём принципиальное отличие русской матрешки от заморского чёрта из табакерки?

– В чём же?

– В отсроченном удивлении. Американское пугало шокирует сразу, а матрёны, гм, постепенно нагнетают обстановку, подогревая интерес...

– Но при этом теряется темп, да и конечный продукт, мягко говоря, не ахти какой – одно разочарование.

– Вот над темпом мы и должны поработать в первую очередь.

– Как и над финальным сюрпризом.

– О, я вижу, мы сработаемся. Вы чувствуете пульс кампании и заряжены на результат.

– Не перехвалите. Ещё я чувствую, что кто-то держит меня за дурака и не выкладывает главные козыри.

– Вы торопитесь.

– Нет, я привык сам режиссировать финальную сцену.

– Тогда оплатите за кофе. В счёт-книжке найдёте флешку. Аккуратно заберите её. На пятисотке, что принесёт на сдачу официант, две буквы и семь цифр – это пароль к флешке. Но это не всё. Вторую часть кода найдёте на порносайте. Да-

да, на порносите! И не делайте удивлённую мину. Ссылка на него появится, как только правильно введёте первый код. А сейчас – оревуар, до свидания! Меня искать не надо. Я найду вас сам.

«Странно. Очень странно. Спецы теперь через порносите, оказывается, работают. Куда катится мир?»

Гулидов сунул в карман маленькую, серебристого цвета флешку с почему-то нанесённой на ней надписью «XV съезд работников геологоразведочной отрасли» и начал спускаться по пешеходному переходу напротив Государственной Думы к метро.

Раньше он ещё пытался понять, что же происходит с его страной. Теперь бросил и эти никчёмные попытки. Сам для себя он давно решил: «Буду анализировать то, что могу объяснить. Поиски чёрной кошки в тёмной комнате – удел неудачников. А играть с шулерами без лишней пары козырей в рукаве бессмысленно».

И всё же многочисленные «почему?» с параноидальной обречённостью упрямо тревожили его, не давали покоя. Кто автор этой несурзацы: «В России долго запрягают, но быстро ездят»? Вражьи голоса, природная лень, надежда на пресловутый русский авось? Ведь дожидаться можно того, что и ездить-то уже некому будет. Откуда такая концентрация зла и насилия, необустроенности, неверия во власть, ненасытного стяжательства? Где же тот былинный родник любви и добра, что спасёт нас от самоедства и уничтожения? По-

чему молодёжь носит джинсы с заниженной талией, оголяя стуже и ветру свои прелести, почки? Какой заморский гомосек Санта-Клаус оплатит им лечение? Почему мы не создаём моду на зиму и холод – единственное из доставшихся нам богатств, которое никаким олигархам не отнять? И почему выходим на мороз в китайских шмотках, состряпанных по итальянским лекалам? Будь он проклят этот перевернутый мир с его подделками, враньём и насилием.

Гулидов и дальше бы выстраивал свою логическую цепочку из множества «почему?», но вдруг каким-то внезапно проснувшимся седьмым чувством ощутил надвигающуюся угрозу. Когда ты долго наблюдаешь за небом, то уже способен предугадать, в какой момент тучное облако заслонит солнце. Ты уже внутренне готов к приходу тьмы. Вот-вот, чуть-чуть, ещё мгновение – и она наступит. Она и наступила.

Удар по его голове был сокрушающей силы.

– Мужчина! Что с вами? Очнитесь! Убили-и-и! – завопила полная тётка в вязаной кофте.

– Пьянь! Чего взять с алкаша? Бросьте его! Он ещё вас переживёт, – резюмировал какой-то мужчина в шляпе.

– М-м-м! – начал подавать первые признаки жизни Гулидов.

Пока он мог различить лишь очертания лиц, склонившихся над его распластавшимся на замызганном полу телом. Голова гудела так, как будто её поместили в центр большого колокола и как следует врезали по нему. Он сделал жалкую

попытку приподняться.

– Да уж лежи, сердешный!

Тётка попыталась застегнуть разорванную рубашку, но, не найдя пуговиц, заботливо прикрыла нагую грудь бедолаги газетой «6 соток».

Флешки в карманах не было. Бомжи в переходе старательно не замечали своего нового постояльца и не по-доброму косились в его сторону. Как, впрочем, и снующие мимо люди.

Немного отлежавшись, Гулидов собрал в горсть остатки былой отваги, пошатываясь, спустился в метро и занёс своё брэнное тело в вагон.

Лишь шелест переворачиваемых страниц и редкий цокот дамских каблучков нарушали тишину профессорского читального зала легендарной «Ленинки». Другого столь необычного для свиданий места трудно было себе представить. Но именно здесь, в библиохраме, назначил ДТП следующую встречу Гулидову. Тому пришлось оформить читательский билет – пластиковую карту с фотографией, нацепить очки с тёмными стёклами, дабы скрыть кровоподтёк на лице. Говорили полушёпотом, боясь спугнуть учёную профессуру.

– Что за маскарад? Проще нельзя было?

– Теперь уже вряд ли. – Податев выглядел взволнованным. – Холлы московских гостиниц – идеальное место для прослушки. Вычислили они нас. Здесь – другое дело.

– Кто «они»?

– Спецы Пузачёва. Международный промышленный банк развития корпораций. Слышали о таком?

– Что-то отдалённо... – слукавил Гулидов.

Банковский сектор его интересовал постольку-поскольку. Не жаловал он толстосумов, превративших полезную профессию в рядовое ростовщичество на бюджетных деньгах. О непомерных амбициях банкиров в регионах, в том числе и пузачёвцев, он знал ещё по прошлым выборам.

– Теперь придётся. Знаете второй принцип русской матрёшки?

– Опять?

– Убиваем, потешаясь, – продолжил отставник, не обращая внимания на протест Гулидова. – Помните сказку о Кощее Бессмертном?

– Ну, сказочник, блин, выискался. – Гулидов от досады стукнул карандашом по зелёному плафону библиотечной лампы.

Податев показал рукой поднявшейся из-за рабочего стола библиотекарьше: мол, всё в порядке – и продолжил.

– Смерть моя в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в ящике, ящик на дубе... Ничего не напоминает?

– Та же матрёшка. Только видоизменённая. Повторялись

предки?

– Направление мысли верное. А вот вывод – нет. И то и другое говорит о конце иллюзий, коими пропитана жизнь человека. Иллюзий! Слышите вы, Гулидов?! Иллюзий в вашей непоколебимости. Правоте. Неуязвимости. Иллюзий мнимой свободы, чёрт побери! Однажды придёт к вам человек с автоматом, как тот самый боевик УНА-УНСО Саша Белый в ровенскую прокуратуру, и заявит контуженный: «Станция конечная! Пошли вон по домам!» Он вам революционных матросов в семнадцатом году не напоминает? Нет? Мы с вами ими восторгались, а они, оказывается, переворот вершили.

– И что?

– А то! Хватит бухать! И вздыхать о потерянном несбыточном рае! Бросьте свою интеллигентскую привычку рефлексии по пустякам! Давно уже нет той вашей страны с кумачами, транспарантами и талонами на масло и водку. Нет! Была, да вся вышла!

– Вышла, говоришь? – зашипел Гулидов, не боясь быть выдворенным из профессорского зала.

Зацепило то, что чекист как будто ночевал в его, гулидовском, мозгу, прознав о мыслях, мучивших не одну ночь.

– Она, может быть, и куда-то вышла, но без меня. Я никуда не выходил, поссать, может быть, только, не уезжал, ни от кого не прятался, никого не предавал. Я присягал этой стране! Я верил в её будущее! Я работал на её стройках! Та-

ких десятки миллионов. И что с ними всеми прикажешь сделать? В сортир? На свалку истории? Да нет такой свалки, как и того бульдозера, чтобы сравнять с землёй, раздавить всё, что было тогда создано!

– Идеалист хренов! Нет, хуже – коммунист!

– А вот этого не хочешь? – Гулидов сложил три пальца в фигу и сунул получившуюся конфигурацию под нос Податеву. – Да кому я это говорю? Лубянке? Это ты, слышишь, ты должен был мне с пеной у рта доказывать, а не я. Это мне, понятно тебе, мне жаль миллионов обманутых вами людей! На твоих же нынешних хозяев мне насрать! Так им и передай. Я согласился работать, и своё дело выполню справно. И нечего мне проверки устраивать. Мы, надеюсь, не в казаки-разбойники играть собрались!

– Хуже.

– Что «хуже»?

– Мы должны добрый кусок этой самой родины урвать и продать. Теперь тебе понятно, идеалист хренов?

– Ничего себе заява!

Гулидов только сейчас сообразил, что действовать рвачёвская компания намерена на перспективу, а именно вывести регион из состава России. «Угораздило же меня вляпаться в столь мерзопакостную историю», – подвёл он итог своим размышлениям.

– Надо было думать раньше, до того, как баксами карманы набивать. Чего уж теперь ерепениться? Обратного пути

нет. Надеюсь, это вы хотя бы понимаете? Мы готовы провести любые, подчеркиваю – любые выборы. Закрывать новоявленных революционеров, этих нахвальных, уранцовых, яшкинцев – вопрос нескольких дней. Поднять толпу макбетов в защиту самого дикого проекта – пара телефонных звонков. Была допущена ошибка в Абхазии и Осетии – не использовали благоприятную конъюнктуру. Но сейчас, пока в Киеве бесчинствуют молодчики, нужно торопить события в регионе. Здесь не Украина, кровь проливать не нужно. Стоит позвонистей дорожку проложить, с законами поманипулировать – один хрен их никто не читает. Принять нужный закон, провести последнего урода в губерны – для нас элементарно! – Последнее слово Податев произнес особенно отчётливо, по слогам.

Гулидову стало противно, но... интересно. «Что за скотская натура – где пахнет дерьмом, туда тебя и притягивает?» – поймал себя на этой мысли Гулидов.

Настала его очередь проверить разоткровенничавшегося агента.

– Пункт первый. Куда вы денете видекамеры с избирательных участков? Пункт второй. Если кресло местного князька для вас не вопрос, то тогда зачем я вам нужен?

– Не смешите меня, Гулидов! Вы же опытный боец. Пипл схавает любую картинку. Задел был сделан заранее – введён единый день голосования. А это значит...

–...что можно транслировать запись, сделанную го-

дом-двумя раньше. Главное, чтобы сезон совпадал и люди не были зимой в летней одежде. Или наоборот.

– Делаете успехи, Гулидов.

– А второй?

– Ах, да. По второму пункту мне всё, в отличие от вас, понятно. Только без обид.

– Валяй.

– Вы – типичный продукт своего времени: немного того, немного сего. Но вам повезло. Судьба выдернула вас из Мухосранска в эпицентр политики. Рушилась страна. Но и открывались иные возможности. И вы с успехом ими воспользовались. Ну и наследили кое-где, врагов нажили. Как же без этого? Как говорится, «Сомоса, может быть, и сукин сын, но это наш сукин сын». Впрочем, не обольщайтесь на свой счёт. Если бы джигиты не грохнули мэра Сергиева Посада, как там его фамилия... Дружко, кажется, то он был бы на вашем месте. Выигрывать вы можете, доказали. Это плюс. О минусах пока не будем расплываться – о них вы сами знаете. Да и мнительностью страдаете, неровён час...

Теперь о главном: победа наша должна быть безоговорочная. Мало того – абсолютная. Чтобы ни одна сволочь и пикнуть о каких-либо махинациях с бюллетенями, подтасовках, неразберихе в списках избирателей не смогла! Или не дай бог поставить под сомнение легитимность новой власти. Ни один нацик, ни один дерьмократ, ни один коммунист-шизофреник! Слышишь, Гулидов!

Наконец-то разошедшийся Податев проявил свою сущность. Гулидов отметил для себя, как задрожали его тонкие губы, когда тот говорил о цели задания. «Значит, многое и для него поставлено на карту, – отметил он. – Этот тип пойдёт по тропам, не остановится». В запале полковник перешёл в одностороннем порядке на «ты» – чувствует своё превосходство, потому что поставлен не помогать, а контролировать.

– А флешка? – словно не расслышав вопроса, спросил Гулидов.

– Забудьте. На ней кроме эмвэдэвской базы данных за позапрошлый год ничего не было.

– Ну ты и сука! – вскипел Гулидов. – Насмотрелся я на вас таких идейных, сереньких и законспирированных. Всё о партии, о родине высокие слова в начальственных кабинетах вещали, а в сортирах поливали эту самую родину отборными матюгами вперемешку с мочой!

Податев побагровел, но «Остапа понесло».

– Как только один свердловский мужик спьяну вылез из берлоги с дубиной да на танк взобрался, так вы все врассыпную бросились. И ни о родине, ни о партии-кормушке не подумали. Глазки потупили, ручки замаранные кинулись отмывать. Что, отмыли? Хрена с два! По локоть, да что там по локоть, по самую глотку в крови стоите и свою же власть ещё и костерите! Не подло? Прошло-то всего ничего. И вы опять из всех щелей, как тараканы, повылазили. Все

у кормушек пристроены, сыты и довольны. С банковскими счетами за бугром и длинноногими девицами в приёмных. Что изменилось, не чувствуете? Не замечаете? Совсем не замечаете? Пока мощну набивали и бюджет пилили, огромную страну профукали. Всё, за что в своих застенках расстреливали, стало идеологией нового класса. Зачем, спрашивается, людей мочили? По незнанию? По недоумию! Это капиталисты, чудаки, изобретали маркетинг, рекламу – придурки, прогресс они двигали. Вы изобрели безотказное смертельное оружие – страх. Всеобщий испепеляющий человека изнутри страх! За свою мелкую душонку, раздолбанное барахло, возможность дышать этим отравленным воздухом. Влачить жалкое существование, но хотя бы дышать!

Теперь каждый неврастеник чуть что бросается на тебя с чекистскими корочками, как недавно на меня в «Капитолии». Значки с щитом и мечом понацепляли, в метро катаются. Докатались! Фантики фондов липовых на лобовые стёкла наклеили и довольны сами собой. Великолепно! Все при деле. Только вот незадача – нет этого самого дела. Нет! Есть только блеф, пшик и безудержная алчность наживы. И опять же – любой ценой. Это ваши слова! Только что сам сказал и бровью не повёл!

Ну, и власть из того же теста. Однокурсник мой освоился в бизнесе – ворюга ворюгой, пробы ставить негде. И все знают об этом. Нет, теперь он стал депутатом. Народным, мать его! Так вот, этот «народный» весь в соплях и в сиську пья-

ный бьёт предо мной себя в грудь и кричит: «Я теперь не бизнесмен! Я теперь государственный!» Тьфу! Поставили козла сторожить капусту! И так во всём. Чего ни копни, отовсюду фига вылезит! Пока гром не грянет... Или пока бандеровец за грудки ни схватит, никто не встрепенётся! Никто!

– Проорался? Пар выпустил? Теперь за работу. – Податев решил прекратить бессмысленную перепалку. – Молоть языком много ума не надо. А бабло отрабатывать кому-то всё же придется. И я уже знаю одну такую кандидатуру, – еле сдерживая себя, сквозь зубы процедил отставной полковник.

– Проорёшься тут! Специально, сука, в эту богодельню заманил, чтобы я тебе о любви к ближнему шёпотом вещал. Ну и кто ты после этого, как не гавнюк, господин с наганом?

Далее испытывать терпение библиотечных читателей было неблагоразумно. И «читатели» спешно удалились из профессорского зала в весьма расхристанном состоянии духа.

3 И звери тёмных лесов

Вьюга нонче разыгралась не на шутку. Она поселилась в трубе и завывала из неё на разные лады болотными голосами. Сколько ни вглядывайся в крошечное оконце, но в крошечной тьме ничего нельзя было разглядеть, даже дворовых построек. Захар Алексеевич Чартков, пятидесятник, учитель местного казачьего училища, долго не гасил свечу. Ждал кого-то. Машинально теребил усы. Поглядывал в угол на металлическую икону с ликом Спасителя. Неизвестный умелец выбил на небольшом куске металла конкуры ангелов и Христа, прорисовал их образы с обеих сторон чем-то чёрным и позолотил. «Дивная штукавина», – отметил казак и трижды перекрестился, глядя на икону.

Хлопнула дверь в сенях, и в горницу в клубах снежного пара ввалился человек в огромном чёрном овчинном тулупе, воротник которого был весь облеплен мелкими сосульками.

– Здраве будете! Гостей ждёшь, а, Лексеич? – с порога поинтересовался урядник Семён Олесов и для порядка зыркнул по углам комнаты. Никого. Он облегчённо выдохнул в потолок струёй морозного воздуха.

– Здорово, коли не шутишь, – сухо приветствовал спесивого гостя хозяин.

Следом за урядником в дом вошёл интеллигентного вида мужчина в таком же, как у Олесова, тулупе. В отличие

от первого гостя, который сразу заполнил собой горницу шумом и топотом, тот ступал по половицам легко, почти бесшумно. Старик предположил, что, если бы он даже скинул свои торбаса, подбитые толстым войлоком, всё равно шаги этого человека оставались бы по-звериному тихи и неслышны.

– Кондаков. Степан Лаврентьевич Кондаков, – отрекомендовался вошедший.

– Чиновник по особым поручениям областного правления! – вставил Олесов и для пущей важности по солдафонской привычке попробовал щёлкнуть каблуками. Но торбаса из оленьих шкур на ногах урядника не ответили служаке привычным для сапог звуком.

– Полноте, полноте, Семён Алексеевич, – урезонил того Кондаков.

– Поджидаю высокое начальство. Запозднились вы, – без робости в голосе приветствовал его казак и сделал попытку на манер Олесова извлечь хоть какой-нибудь звук, стукнув друг о друга пятками своих разношенных валенок.

Дружно рассмеялись.

– Давай не томи, Лексеич, доставай заначку, разливай. А то притомилися мы за призраками по тундре гоняться. – Урядник по-хомячьи растёр пухлые щёки, словно приготовился складывать в них хозяйское угощение.

В избе становилось жарко то ли от раскочегаренной печки, то ли от выпитого, то ли от разговоров и споров.

– А я говорю, что надо этих супостатов на Медвежьих островах искать, коль прошлёпали мы их посудину. Не иначе они там на зимовку стали и норовят по весне дальше двинуться, – кипятился Олесов.

– Возможно, возможно, – барабанил тонкими пальцами по столу Кондаков. – Вы, Захар Алексеевич, как считаете, могут американцы пренебречь морскими границами и так глубоко внедриться на нашу территорию?

– Я казачий учитель, господин чиновник по особым по... и думать могу только о законе Божьем, арифметике Буссе и уставе городского полка. Другому не приучен.

– Хитришь, хитришь, старый! – пожурил урядник собседника. – Кого ни спроси в округе, всяк дорогу к тебе покажет, каждая собака в тундре знает, что Алексеич – это голова. И неча тебе ваньку ломать перед господином уполномоченным!

Олесов как будто вспомнил что-то и продолжил уже в повышенном тоне.

– Скромнёхонький какой выискался! А как местных мужиков за усы и бороды таскать – это тебе что, недоразумение? А самовольно нерадивых казачков пороть да по тундре их до посинения гонять? Без разбирательства и позволения! Это тоже недоразумение? Я тебя спрашиваю! – Огромный кулак Олесова грохнул о стол с такой силой, что пустая алюминиевая миска подпрыгнула и перевернулась вверх дном. – Это преступление! Насилие над личностью, так сказать!

После произнесённой тирады урядник удовлетворённо крикнул. И в ожидании одобрения своей жёсткости в обращении с младшими по чину посмотрел на Кондакова. Тот продолжал равнодушно покачивать ногой. Старик тем временем вытащил из кармана душегрейки деревянную ложку и стал давить ею в своей миске подгоревшие щучьи котлеты. Зная проделки самого Олесова, его безудержную страсть к экзекуциям, наказанию казаков за малейшую провинность и нагнетанию страха на подчиненных, проступки казачьего учителя любому сведущему могли показаться пушицами забавами.

– Насколько мне ведомо, по воде от Америки до нас акkurat чуток боле 80 вёрст, – как ни в чем не бывало продолжил бухгалтер, не глядя на побагровевшего от злости Олесова, не получившего на свою тираду даже одобрительного начальственного кивка, – и расстояние это при попутном ветре и верной лоции легко преодолеть можно. И глубина порядочна для шхуны, как там её кличут?

– «Алеут».

– Подходяшше название.

– Иноземцы должны причину большую иметь, чтобы так рисковать, – продолжил учитель. – Не с руки им сейчас супротив государства рассейского итить. Хлопотно боле.

– Вот и я говорю: хлопотно и не с руки. Готовьтесь в экспедицию с нами, Захар Алексеевич, будем искать лежбище этих заморских котиков. Послезавтра выступаем, покуда мо-

розы не окрепли.

Кондаков поёжился, придвинулся ближе к печи и выставил навстречу огню озябшие руки.

– Определить учителя в повозку к уряднику Расторгуеву, – приказал он разомлевшему в тепле Олесову.

– На лошадакх по зимнику далеко не уехать, ваше высокоблагородие. Баловство может случиться, а не экспедиция. Надоть на оленей пересесть или собачьи упряжки снарядить. У олёринских каюров как раз таковые имеются – резвые да ладные. И проводники из них отменные.

– На том и порешим, уважаемый, а теперь – отбой.

Следующий день был посвящён сбору провианта, починке амуниции, отдыху с дальней дороги. Кондаков делал записи в дорожный дневник. Олесов командовал. Учитель сидел на завалинке, подставив лицо под негреющие солнечные лучи, невесть как проглянувшие сквозь затянутое мрачными облаками небо.

– Какие думы думаете, господин учитель? – Кондаков присел рядом на завалинку, отбросив свою писанину.

Пятидесятник пока не мог понять, что на уме у столичного чиновника – притворство, простота или какая выгода имеется? Уж больно не складывался у него полный портрет заезжего гостя. Чин важный, а ведёт себя по-простому, по-деревенски. Однако фасон держит да и Олесову спуску не даёт. Значит, стержень имеется и рука твердая, вон как справно с револьвером управлялся, когда чистил его у окна. Глаз ост-

рый, наблюдательный. Любую малость подмечает, но в отличие от Олесова не бросается с рёвом и криком на нерадивых служак. А мимоходом так, как бы невзначай подправляет неладное. Говорит тихо, уверенно. Почитай, любому чину фору наперёд даст. Вот такого бы нам в командиры команды или того лучше – полка!

– Какие у меня думы могут быть? Самые обыкновенные по возрасту моему и положенью. Однако вопросы имеются, коли позволите. – Учитель с хитрым прищуром внимательно посмотрел в глаза Кондакову.

– Ну что же, за вопросы нету спроса. Что могу – скажу, а не смогу – не обессудьте, не всё и мне ведомо.

– «Нет, брат, ты про это толкуй тому, кто не знает Фому, а я племянник ему!» – так в народе говорят. Не верят служивые вашему чиновничьему брату, ох как не верят...

– Отчего же такая немилость?

– Люди не скот. Всяк сие понимает. Но на деле иной коленкор выходит. Взять казака. Он 25 лет царю-батюшке служит. И что имеет? Брань поутру, оплеуху на обед и плеть к ночевой. Ни семьи, ни дела какого завести нормально не может. И не служака, и не крестьянин, и ни мещанин. Так, перекасти-поле получается. Разве с такими вояками от супостатов оборониться сможем? Я вот в раздумьях больших по ентому поводу.

Оружья справного нет, амуничных денег никто отродясь не видывал, а жалованье годами пропадает где-то на просто-

рах империи. Казаки Чумуканской команды пять лет не получают жалованье из Якутска. И в Удском остроге у них житьё не сахар. В прошлую зиму они уже принуждены были питаться нерпичьими ремнями да оленьими сумками. Срам, да и только! Кому жаловаться? Куды пойти? Исправник лютует, чиновник ворует – власть! Супротив власти не ходи, ты сам её защищать должен. Куда ни кинь, всюду клин да амбарный замок получатся.

– Розги не мука, а вперёд наука. Соглашусь, служба сия незавидна. Просторы государевы огромны, и кому-то охранять их надобно. Отчего не казакам такую честь нести?

– За почёт благодарствуем. Низко в пояс кланяемся. Только от одного почёта не родится картопля, одна ботва выходит. Нынче вот реформу казачьего полка ожидаем. Отправил я в областное правление свои виды на изменение статута казачьего звания. Три годка как минет. Ни слуху ни духу.

– Неповоротлива машина к новшествам, понимать надо. А чем чиновники-то не угодили?

– Вороватостью своей немереной. О мироедах энтих уже и сказки сказывают.

– Интересно, интересно... Это какие?

– Извольте, коли так...

Учитель достал кiset, смастерил самокрутку, закурил. Делал он это медленно, словно испытывал терпение ожидавшего рассказа высокого чина.

– Слушайте. Вызвал как-то к себе в хоромы царь-батюшка

мужика-дроворуба и велел поведать, куда уходят зарабатываемые им на заготовке леса деньги: «Перву полтину заёмну плачу, а втору в займы даю, третья жо так уходит», – отвечает крестьянин. «Как так? – не понимает царь. – Кому жо ты отдаешь заёмную полтину?» – «Вашо царско величество! Тоже меня кормил отец с матерью. То первой полтиной я их теперь откармливаю, значит, займы плачу; другой полтиной кормлю моих ребятишек-детишек, значит, на них в займы держу, а оне после меня станут откармливать, отплачивать». «Теперь, – спрашивает царь, – скажи, куды третью полтину девашь?» – «Третью полтину я даром бросаю». – «Как жо даром бросаешь?» – «А вот как, вашо царско величество: видишь ли, третью полтину даю писаришкам да господам...» – «На что жо оне берут с вас эте деньги?» – «Кто? Писаришки-те да господа-те? Ну, кто их знат, на что оне берут, как оне это живут не по-вашему да и не по-нашему, царь». Вот таков сказ. – Учитель запустил в сторону струю дыма и зачем-то погладил себя по голове.

– Неужто так плохо, Захар Алексеич?

– В обмане живем. Утаиваем от мытарей размеры посевов да сенокосов. Прячем богатство земли нашей. Льстим начальству, коли выгоду чуюм. А в голове одно лишь держим: род человеческий делится на два разряда – на людей и чиновников. Ненасытное енто чудище, погибель земли русской.

– Ну уж хватили... Любого подлеца на чисту воду можно вывести. Любого! Схватить за руку: поди-ка сюда, любезный,

верни уварованное! Не так ли?

– Так-то оно может и так, но... не так всяк. Правдой век не проживешь. И супротив этой людской правды не попрёшь.

– А что же, крестьянская община сама без изъяну?

– Отчего же? И здесья диву дивному порой дивишься. Однако пониманье приходит. Надоть отпустить вожжи чуток, чтобы люд мирской передых имел, а не то с голода люди волками друг дружке стали и от безнадёги рук и на себя имают. Таныга² здесья в презрении. А хитрость с господами в почёте. У них, как у змеев, ног не найдёшь. Последнее отберут и в свою копилочку складут.

– Ох, Захар Алексеич, Захар Алексеич, не просты ваши речи. Я бы сказал боле – опасны.

– Дальше Колымы не сошлют. Ведь верно, Степан Лавренъевич? Да и сам ты, я вижу, человек непраздный, за государево дело радеющий. Кто вам здесья ещё правду скажет? Старику терять нечего. Я как та рядка, котора землю держит. Не согрешай и ты, пожалуй. И будет на том тебе наша благодарность.

– И вам спасибо, Захар Алексеич. За науку и правду. Откровение.

– Дорога милостыня во время скудости, господин Кондаков. – Учитель вдруг свернул разговор на официальную ноту. – Время идёт скудное на поступки, на мысли. Смута гря-

² Умный, сообразительный, знающий своё дело человек (др.-слав.).

дёт. Вот печаль ента меня гложет. Мелкие завистливые людишки уж больно шевелятся, по земле плодятся, продвигаются с морей-океянов до окраин наших. Того гляди, в океан скинут. И тут ещё вы, чиновий люд, аки супостаты, им подсобляете. А надоть благодарить Бога за хлеб, за соль, низко кланяться за надежду, в нас вселяемую, и божий свет – за жизнь дарованную. Береги себя и землю нашу. И помни: не золотыми куполами сильно государство, а жизнью духовною, людьми и мыслями светлыми. Ну, ладно-те... Пора и нам собираться.

– Пора. Не забуду сказ твой и твою третью полтину, Захар Алексеич. Не забуду.

– Дай-то Бог!

Собеседники разом поднялись и пошли в разные стороны. Всяк ко своему делу.

С рассветом тронулись в путь. По свежавыпавшему снежку да с лёгким морозцем следовать по тундре было одно удовольствие. Олёринские каюры выделили резвых оленей и упряжку собак, на которую возложили припасы. Вот только с Олесовым приключилась форменная нелепица. Олени почему-то отказывались тянуть нарты с тучным урядником. Уж он и кричал на них, и уговаривал, и сахаром манил, и шашкой замахивался. Всё не в счёт.

Молодой каюр Вырдылин сумел-таки каким-то макаром уговорить упрямых животных. Отряд тронулся в путь. Однако сразу за стойбищем олени нарушили строй колонны, сделали круг и привезли урядника напрямиком к загону, где паслось основное стадо. Вот тут уж Олесов выдал весь свой запас трёхэтажных ругательств и в адрес оленей, бодающих жерди ограды и не обращающих внимания на вопли разъяренного урядника, и в адрес тундры, почему-то обидевшей грузного служаку. Досталось и каюрам, молчавшим в изумлении, впервые слышавшим столько новых мудрёных слов.

Пришлось снарядить вторую упряжку собак и возложить в облегчённые нарты грозного урядника, так как тот напрочь отказался иметь дело с оленями. И зря. Езда на собаках требует постоянного спешивания: необходимо бегом преодолевать подъёмы, помогать четвероногим на крутых поворотах. В общем, не засидишься. В конце каждого дня на урядника больно было смотреть. Исчез куда-то былой гонор, щеки провалились, под глазами проявились тёмные круги.

Поздним вечером путники добрались до большого чукотского стойбища. Настороженные чукчи отвели гостям лучшую ярангу, развели огонь, набросали на пол оленьих шкур. Старуха с прокопчённым тёмно-коричневым лицом, испещрённым синими татуировками, что-то бормоча себе под нос, варила мясо. Покуда вели разговоры, вождь племени по обычаю настойчиво предлагал начальству свою жену и дочь, чтобы те могли скоротать с ними ночь. Как только проводник

перевёл его слова, утомлённый дорогой Олесов неожиданно оживился – он заёрзал на шкуре, глазки его заблестели. Но как только взгляд новоявленного Казановы упал на старуху, уряднику почему-то взгрустнулось. Кондаков решительно отказался от обычая разделить ложе с хозяйскими жёнами и вопросительно посмотрел на Олесова. Тот демонстративно отвернулся, схватил из миски толстую обглоданную кость и стал выколачивать из неё рукояткой Смита-Вессона остатки костного мозга. Желających утешить чукчанок не нашлось. На том и порешили.

Старуха сняла с огня котёл. Покачиваясь из стороны в сторону, она с трудом донесла его к импровизированному столу, представлявшему собой три изрезанных коротеньких дощечки. Гости расположились тут же, на полу. Полусырую оленину срезали с костей острыми ножами. Ели без соли и хлеба. Жирные руки вытирали о колени, других тряпок рядом не было видно. Чай разливали из закопчённого чёрного бидона, в который старуха, уходя, что-то бросила. Понадеялись, что травы. В яранге становилось жарко и душно, туманное марево застилало уставшим с дороги путникам глаза.

...Размеренные звуки бубна разносились по тундре. Они то убегали вдаль, к едва виднеющимся на горизонте плоским сопкам, то приближались к стенам яранги. И так несколько раз кряду. Но вдруг в какой-то момент людям показалось, что удары бубна стали обретать иную мощь, становиться объёмными и сильными. Это были уже не те робкие и крадуши-

еся звуки, которые были слышны раньше. Они словно вдохнули в себя животной силы и обрели живое обличие, превратившись в упругие, властные, взрывные удары. Неведомая ранее могучая сила теперь уже билась о ярангу, стонала, зывала, звала в дорогу – туда, в крошечную тьму и неизвестность. Поднявшийся ветер кидал в хлипкие стены жилища не лёгкий снежок, как в начале представления, а тяжёлые комья из слежавшегося наста. Он вырывал их из снежного покрова тундры и безжалостно швырял в олени шкуры. Вдруг о шести на самом верху яранги стали биться чёрные птицы, похожие на воронов. Они с маниакальной решимостью врезались в них, разбивая свои жирные тельца о деревянные. Лёгкие перья, медленно кружась, опускались на головы изумлённых гостей. Дикое зрелище. Не каждый его выдержит. Олесов схватил рядом лежавшую куклянку, накрылся ею. «Как хотите, а я буду мушкороваться», – решил урядник. Проводник от изумления лишился дара речи, забился в угол и шептал что-то невнятное. Кондаков и учитель сидели не шелохнувшись, изредка поглядывая на происходящий сверху танец бессмысленного жертвоприношения. Пернатая вакханалия всё не прекращалась. Олесов выглянул из укрытия, вынул из кобуры револьвер и начал целиться в беснующихся птиц...

Невесть откуда взявшаяся сизая пелена снизошла на стены яранги. Они покрылись туманной изморозью и... растворились. Взору путников предстала сочная зелень бескрай-

ней тундры, бегущие вдаль стада мамонтов и шерстистых носорогов. Их преследовали низкорослые люди с чёрными копнами волос на голове. Умело орудуя длинными копьями, они гнали отбившихся от стада гигантских животных к неизвестно откуда взявшемуся на равнинной местности обрыву. Сцена охоты сменилась картиной переселения. Природный ландшафт изменился: скалистые горы, водопады, ущелья. Люди в звериных шкурах кто пешими, а кто верхом на странных, землистого цвета ящерицах с толстыми кривыми лапами и маленькими головами двигались на восток, встречу солнцу. Туда же устремились бурые медведи, россомахи, волки, песцы, дикие собаки. Так прошёл день. Второй. Третий. Люди и животные скопились на берегу океана, не решаясь шагнуть в пучину.

Откуда-то с небес лилась нежная лиричная музыка, а зачарованный голос чтеца нараспев проговаривал завораживающие слова:

И звери тёмных лесов,
И рыбы голубых глубин,
И белые, и чёрные бегуны,
И летающие крылатые птицы —
Все вместе до единого...
Ради всех людей...

С первыми лучами восходящего солнца из-за грозных облаков появился огромный мост, шириною с пролив.

По нему-то и ринулась вся эта истомившаяся толпа, увлекаемая каким-то только ей понятным внутренним зовом. Пошёл густой мокрый снег. Люди падали, ломали ноги и руки, мерзкие животные наступали на них своими тяжёлыми лапами и лезли вперед, отрывая от человеческих туловищ головы, слизывали раздавленные мозги, некоторые из них поскользнулись на людской крови и падали в море... Так продолжалось довольно долго. По мере того как огромные толпы людей и животных переправлялись по загаженному мосту на другой берег пролива, снежная стена становилась всё более и более прозрачной. Потом в какой-то момент она, собрав свои раскисшие на чёрной почве рукава-основания, убралась обратно за облака.

Яранга без стен, но с верхней частью крыши и с перепуганными путниками внутри без особых усилий оторвалась от земли и, пролетев немного, плавно опустилась на небольшой возвышенности. Яркие лучи солнца проникли в отверстие на потолке и разожгли потухший после ухода старухи огонь в костре, сложенном в гнущем металлическом листе из половинки бочки, разрезанной по вертикали. Ветер нагнал грозные облака. Вновь повалил снег, быстро накрывший своим покрывалом всё живое в округе.

Путники наблюдали за столь резкими перепадами в погоде с тех же мест, где их и застало обрушившееся во время позднего ужина ненастье. Стало зябко, но, похоже, стены яранги никто не собирался им возвращать. С той сторо-

ны, куда ушли и где остались ушедшие на восток племена, начали доноситься удары шаманского бубна. Сначала робко и чуть слышно, затем всё громче и громче. Всё чаще и чаще. Всё напористей и напористей. Казалось, ещё чуть-чуть и люди в яранге могут разглядеть фигуру бьющего колотушкой в натянутую по окружности бубна нерпичью шкуру, готовую лопнуть при следующем же ударе. Уже увидят его устрашающую гримасу, могут уследить за его движениями, подергиваниями и плясками. Но... всё тщетно.

К одинокому шаману присоединились сотни других. Громкоголосый ревуший ансамбль доводил людей до шумовых галлюцинаций. Звуки чукотских бубнов и горлового пения заполнили всю округу. Людям некуда было деться от всего этого грохочущего рокота, им приходилось дышать эти звуки, есть их, пить их, жить ими. Головы путников разрывались от резонирующих ударов. Из ушей стала сочиться кровь, вены на руках разбухли настолько, что готовы были вот-вот лопнуть. Кости ныли, стонали и выворачивались. Ещё несколько секунд и...

Револьверный выстрел! Один, второй, третий! И тишина. Абсолютная тишина. Как в могиле. От такой звенящей тишины, обрушившейся разом на всё, что тебя окружает, немудрено сойти с ума. Она парализует, делает сильных слабыми, действует моментально. С ней невозможно состязаться, и ей никто не в силах сопротивляться. Тишина бессмысленна в своей всепроникающей силе. Как с ней бороться?

Она – всюду. Она – в тебе. Она – всёпоглощающе ужасна. И одновременно... прекрасна, как восход холодного солнца, как тёплый морской бриз, остужающий раскалённый воздух... Странное, непознанное явление. Когда человек изучит её природу, только тогда он поймёт своё истинное назначение на земле.

– Улахан тойон, улахан тойон! – тряс урядника, укрытого шкурой, чем-то взволнованный вождь племени.

Из-под шкуры появилось дуло револьвера, оно упёрлось в лоб чукче. Затем показалась голова самого Олесова.

– Чего тебе?

– Талпыгыргын! Талпыгыргын!

– Большой олень сдох, – пояснил сидящий рядом толмач.

– Тьфу ты, – чертыхнулся урядник и трижды перекрестился.

Компаньоны собрались в центре яранги. Расселись полукругом. Молчали. Первым никому не хотелось признаваться в увиденной ночью чертовщине. Но деваться было некуда. Сквозь дыры от трёх пуль в ярангу проникал солнечный свет. Шкуры, которыми укрывались путники, были покрыты толстым слоем чёрного пепла. По взволнованным лицам компаньонов было видно – каждому есть чем поделиться с соседом.

– Это мне одному приснилось или я чегой-то не понимаю? – нарушил затянувшееся молчание Олесов.

– Сложно сказать, что именно с нами случилось. Но опре-

делённо могу свидетельствовать, что здесь происходило что-то странное, – первым отозвался Кондаков.

– Старуха во всем виновата. Старуха! Спроси да строже спроси у этого каманчи (кивнул урядник в сторону вождя), чего она нам подсыпала в чай и что за балаган здесь устроила, – грозно приказал он переводчику.

– Маненько угорели. Шибко топили-топили. Угорели, говорит, – тот быстро перевёл ответ напуганного туземца.

– Тогда кто стрелял? Я чётко слышал три выстрела, – покосился на свой револьвер Олесов.

– Советую проверить патроны, – подключился к разговору учитель.

Кондаков согласно кивнул. Урядник, сопя и кряхтя, достал из кобуры оружие, открыл барабан и высыпал в ладонь четыре патрона.

– Не может быть! Ещё вчера были все семь. Сам проверял, сам заряжал, сам чистил. Святая Варвара! – Он быстро перекрестился и отчего-то посмотрел по сторонам.

Олесов проворно вскочил на ноги, бросился в один угол, в другой, перевернул там лежанку. Стал пинать тряпьё, откидывать в стороны попадавшие под руки вещи. Вытащил саблю и начал с яростью кромсать ни в чем не повинные шкуры. Общими усилиями насилу скрутили обезумевшего урядника.

Откинулся полог, и в ярангу вошла вчерашняя старуха. Она улыбнулась во весь свой беззубый рот и протянула Оле-

сову чашку с густым отваром. Тот оттолкнул протянутую посуду, но старуха ловко отпрянула назад и жестом показала, что надо пить, указав рукой на его голову: мол, снимет боль. Урядник демонстративно отвернулся от назойливой врачевательницы. Он сделал вид, что перестал обращать на неё внимание. Старуха молча прошла в дальний угол яранги, засунула себе в рот высушенную оленью жилу и оттуда стала наблюдать за гостями.

– Тьфу ты, – сплюнул Олесов и ещё больше насупился.

– Понравился, однако, – пошутил Кондаков.

– Ничего нелогичного не вижу, – высказался вдруг учитель.

Собравшиеся с интересом обернулись в его сторону. Даже старуха перестала жевать и приготовилась внимательно слушать, хотя вряд ли понимала что-то по-русски.

– Мы попали в яму. Яму, где меняется время. Бояться не надо. Думать надо. Понимать, что случилось. Совпало! Очень многое здесь совпало: и яранга – это макушка земли, и восемь её жердей, восемь! И место это в тундре на изломе чрева земли. И люди – один журливый, другой – дюже нравный. И даже старуха эта тоже здесь неспроста.

– Дык, может, сон это? Обычный сон, – встрепенулся урядник, услышав о старухе.

– Срединный мир на то и срединный, чтобы служить мостом из прошлого в будущее. И обратно. Аллараа дойду, нижняя страна, таит в себе много бед. Здесь солнце и луна

щербаты, холод, мрак. Люди и звери бегут от Ледовитого моря, боятся столкнуться с племенами абаасы во главе с Арсан Дуолаем³. А мы супротив общего порядка идём им навстречу. Как тут им не гоношиться?! Одни покинули наш мир, Орто дойду⁴, и многим это ещё предстоит. Не обязательно здесь, на краю океана. Люди найдут другие мосты: по воздуху, морем, караваном, упряжью, но они будут идти на вечный зов небес и предков. Самые опасные те, кто придёт к нам с верхней страны, с юга. И люди племени Улуутуйар Улуу⁵ Тойона. Они не родня нам, затаятся, будут ждать своего часа. Долго ждать. Вечность. Час их наступит, как бы мы того не хотели. Пока мы супротив них никто, так, пыль земная, зрители. Нам пора прядать нарты, вперед итить, к Чукочьему морю. Чего сидим?

– Странна твоя речи, учитель. Решить сей ребус трудно в одночасье. Но в одном ты прав – надо торопиться, неровен час, следы заморской шкуны снег укроет, до весны не найдем.

Кондаков резко поднялся, но вдруг пошатнулся и чуть бы-ло не упал навзничь, однако был вовремя подхвачен товарищами. Чиновника бережно уложили на шкуры. Лицо его сделалось, как полотно, белым. Он тяжело задышал, впал в беспамятство.

³ Вождь племён абаасы, злых духов.

⁴ Средняя страна (якут.).

⁵ Племена в юго-западной части верхней страны (якут.).

– Старуха виновата. Она порчу навела! – взревел урядник.

– Не трогай её, – остановил Олесова учитель. – Она – белый шаман. Только помогает. Не видишь, силы её покидают, ум как у ребенка. Но без неё мы бы эту ночь не пережили. Скоро она примет воду смерти. И вернётся в этот мир через 290 лет.

– Откуда знаешь?

– Знаю, много живу, вот и знаю.

В углу яранги зашевелилась старуха, как будто поняла, что речь зашла именно о ней. Чукчанка прошаркала кривыми ногами к лежанке Кондакова, дотронулась до его плеча, что-то с закрытыми глазами долго шептала. Из всего, что она говорила у изголовья, путники расслышали только последнее слово, которое шаманка произнесла отчётливо и громко: «Пльыткук»⁶. Не глядя на застывших, растерянных членов экспедиции, старуха откинула полог и также медленно, как и пришла, удалилась. На груди у Кондакова остался лежать амулет из кусочка нерпичьей кожи в виде рыбы с дырочками-глазами, окрашенной ольховой корой в красный цвет.

Больной пролежал в жару без движения двое суток. На третий день болезнь отступила. Кондаков стал быстро поправляться. Путники дали своему командиру время, чтобы он немного окреп, и поспешили покинуть чукотское стойбище. В толпе провожавших экспедицию старухи не было видно.

⁶ Кончать, закончить (чукот.).

4 Призрак шхуны «Алеут»

После долгих скитаний по побережью затёртая льдами шхуна была обнаружена неподалёку от острова Айон, близ Чаунской губы. Местность пустынная, безлюдная, оттого и пригодная для тайной миссии. Летом чукчи здесь нагуливают оленей, а к зиме кочуют вглубь полуострова.

Шхуна завалилась на левый борт. Каких-либо следов вокруг неё не было видно. Бдительный Олесов всё же приказал остаткам своего потрёпанного отряда расположиться полукругом и первым направился к судну. Делал он это короткими перебежками. Со стороны было забавно наблюдать, как грузный, обременённый одышкой урядник с револьвером наизготовку, постоянно запинаясь о болтавшуюся на боку шашку, преодолев десять-пятнадцать шагов, со всего размаха падал лицом в снег. Отфыркиваясь, как старый морж, в ноздри которому попали мелкие ракушки или галька, абордажник вновь устремлялся к цели. Казус случился, когда Олесов достиг шхуны и попытался забраться на неё. Хотя «Алеут» сильно накренился и был сдавлен льдами, но высота бортов не позволяла уряднику легко преодолеть последнее препятствие. И он запросил подмогу.

Шхуна «Алеут»

Обследование шхуны ничего не дало. Никаких вещественных доказательств, что «Алеут» доставил людей к берегам другого государства, раздобыть не удалось. В каютах и подсобных помещениях было голо и чисто, как в карцере. Внутренняя отделка ничем не выдавала себя – скромно, аскетично. Шхуна была подобрана таким образом, чтобы ничего в ней – ни в оборудовании, ни в обшивке, ни в корабельной утвари – не выдавало иностранного авторства. Лишь ощущалось чьё-то мимолетное присутствие, как будто незримый призрак сопровождал по кораблю любопытствующую компанию.

– Куда эти бесы все подевались? Никого нет, ничегошеньки! Пусто! Как корова языком слизала, – недоумевал урядник.

– То, что лазутчики не стали нас дожидаться, это естественно. Но образцово проведённая генеральная уборка помещений – это действительно возмутительно. Ни единой зацепки, – подтрунивал на Олесовым Кондаков.

– Чтобы так чисто прибираться, это сколько баб надо иметь?!

– Мда-с... Странно, очень странно. Придётся, Семён Алексеевич, всю округу обыскать. Не привидения же к нам в гости пожаловали? Прости меня, Господи!

– Напрасно время и силы потратим. Енто не привидения,

как вы изволили выразиться, господин Кондаков, – вступил в разговор учитель, – а вполне себе люди. О двух ногах, о двух головах. Только из другой реальности, из будущего.

– Кончай голову морочить! – Олесов готов был припечатать учителя кулаком к стенке каюты. – Скоро у меня самого голова расколется! Сначала старуха, потом эти чёртовы вороны, мосты и мамонты, теперь вот невидимки! Или, как ты говоришь, люди из будущего? Какого на хрен будущего? Найду, запру в кутузку и выбью всё будущее, только свист нагайки слышать будете! Из будущего, ишь чего напридумывали, сучьи морды. Если дальше так пойдёт, я, ваше высокоблагородие, за себя не ручаюсь. – Урядник потряс наганом перед лицом старика.

– Силой тут делу не поможешь!

– Ещё как поможешь! Ни один бахарь⁷, что мне песни пел, не отвертелся! Ни один!

– Охотно верю. Кистень знатный. Он на людину или зверя сгодится. А здесь другая притча.

– Какая такая ещё притча?

– Здесь совпало место и время. Сон наш вещей. И он о прошлом. Но в каждой картине минувшего заложен код к разгадке будущего. Люди не знают, как пользоваться этой подсказкой природы. Да что там...

Казак покосился в сторону Олесова.

– Не слушают сурьёзные доводы. А потом осрамляются, –

⁷ Сказочник (др.-русс.).

попытался внести хоть какую-то ясность учитель.

– Говори, говори, Захар Алексеич, – успокоил его Кондаков.

– Скажу, как понимаю. А на остальное заключение уповать приходится. Человек силён мыслями. Они движут всем в округе и за её пределами. Оно, конечно, можно и в телегу лошадок запрячь, кнутом их стегать. Потужатся, потужатся сердешные да глыбу камени с места сдвинут. Токмо тут плеть в работу включена, а не разум. Мысли те могучи, когда они в единый организм душевный собираются. И нет супротив тех мыслей силы, кроме Царицы Небесной и ма-тушки-природы. Вот коли человечешко умом не вышел, ему Царица Небесная покровителя дает. Природа при сём деянии отдыхат, значит. Мать-земля свою тайну имеет и прячет её в недрах. Но случается редко, когда сокровенное там не умещается. Хранилище-вместилище перемены требует. И появляется он – разум! Разум не одного, не двух человек, а многих людишек. Сотен тысяч! Когда они, бывает, настроены на единый лад для добра или зла – как кому повезёт, – то нет с ним сладу. Нам покуда повезло. От худобы нас старуха сберегла, а боле худого ничего не успели сделать, – тут учитель снова покосился на Олесова и продолжил: – Голдобить⁸ да страшаться – дело не хитрое. Знаки разгадать, что послали свыше, – вот задача. Вижу, не по силам она нам.

⁸ Кричать, браниться, громко разговаривать.

Не по плечу епанча⁹ пошита. Не по размеру.

– Но что-то можно объяснить? Или, как там, увидеть?

– Я, конечно, не шаман и даже не отосут¹⁰. Не могу, как дохтур, лечить болезни, высасывать сукровицы из больно-го места и не оставлять следа на нём. Заглядывать в прошлое или знать будущее тоже не рожон. Давеча видали мы переселение народа и зверья на другой континент. Дорога эта открылась в безвременный час. Неурочный. Как открылась, так и исчезла. Придумать мы сиё сами не могли. Да и фантахзёры из нас никудышные. Кто на булаву глядит, тому вичка не привидится. Так и с нашим братом. Выходит, заглянули в прошлое. И старуха чукочья нас своим ветром, вьюгой и бубном приготовила к познанию дел минувших.

– Но зачем?

– Не станет шаманка перед смертным одром шутки водить. Не станет. Знаки давала. Предостерегала. От чего? Мне самому эту думу не одолеть.

– Старуха могла знать, кого мы ищем. Вождь местный мог ей рассказать о цели нежданного визита, – не унимался Кондаков. – Зачем она оставила у меня на груди этот талисман?

– Ах да! Талисман! – спохватился учитель. – О нём я совершенно забыл. Дозвольте разглядеть.

Кондаков вынул из кармана амулет старухи. Принялись

⁹ Старинный длинный широкий плащ.

¹⁰ Народный лекарь, врачеватель (якут.).

его скрупулёзно разглядывать, как некую диковину. Вертели и так и сяк, но кроме рыбьего очертания и дырочек на месте глаз ничего не заметили. Между тем кусочек нерпичьей кожи оказался простым только на первый взгляд. Приглядевшись немного, Кондаков смог различить в чуть заметных ниточках, словно слабых венах больного, страдающего малокровием, очертание земель, разделённых узкой полоской волн. В нескольких местах этой диковинной условной крохотной карты были сделаны едва заметные уколы, заполненные сгустками красной краски.

– Вот смотрите: одна точка рядом с каким-то выступом! Это полуостров? Нет, вроде край земли, похожей на голову дракона! Или я чего путаю?

– Да старуха иглы сюда вонзала, когда шила, или нерпичья шкура в дырочку была, – выдал свою версию урядник.

– Нет, нет, это определённо сделано не случайно! С умыслом, – не унимался Кондаков.

– Но что это может быть? Что? – обратился он к учителю, так и не придя к какому-то логическому умозаключению.

– Старуха что-то бормотала у изголовья, когда ваше высокоблагородье были в горячке. Вот бы знать, что именно! Но она могла и силой мысли вадить – приучать к своим знаниям и передать какое-то послание. Удаганки умеют и енто. А она была обречена, значит, готова была передать важное. Припомни-ка, мил человек, может, что чудилось или снилось в енто время?

– Гм, решительно ничего.

– Надоть восстановить тот вечер подетально. А вдруг?

– Чего голову человеку морочишь? Зимник надо проби-
вать, снегу вон сколько намело! Останемся, как эти амрекон-
цы на льдине. Вот тады не так запоём! – запротестовал Оле-
сов.

– Дело было так... Ваше высокоблагородь резко встали,
пошатнулись и упали навзничь, – продолжал учитель. – Что
могло служить причиной столь явной резкости?

– Вот это я как раз помню... Мы спорили, пытались най-
ти разгадку виденному ночью. Говорили о срединном мире,
поминали верхнюю страну гольцев с тундрами и снегами...
Хотели вперёд итить... Больше ничего не вспомню.

– Зато я отчётливо, как сейчас, вижу: стоило мне сказать
о пути вперёд к Чукочьему морю, то вы, ваше высокоблагоро-
дье, на ноги вскочили. Кто подтолкнул? Или шилом коль-
нул?

– Каким там шилом! Хотя... постой-ка... Сила какая-то
меня подняла. Помню, ноги обмякли, сделались невесомы-
ми, а после как деревянными стали. Вот так и получается,
что выпрямила меня чья-то... воля. Ах да... Помню, хотел
было я на старуху ту посмотреть, что в дальнем углу приту-
лилась, но не могу. Хочу, а не могу. Дальше что было, сами
знаете.

– Так, значит, старая нас к Чукочьему морю подталкивала.
Оно и взаправду так получилось! Здесь мы, голубы, на побе-

режье. Первый знак. А помните, были и вороны, пепел, мост срамной, снег, что обратно на небо убрался... Прости меня, Господи. Что деются. Что деются... Ну, а дальше, когда шаманка стояла у изголовья, шептала что-то такое и мы различить не могли?

– Нет, не припоминаю.

– Тогда, ваше вежество, умоляю: ложитесь на нарты и оберег от старухи на грудь кладите. Вишь ли, луна какая ясная, вдруг подсобит в деле праведном.

– Ещё чего удумал! Ты, Алексеич, я гляжу того... этого... уж больно не команду! Совсем рехнулся старый, в домовину¹¹ загнать нас хочешь? Не позволю! – решительно запротестовал урядник. – Сам ложись куда угодно, вон хоть в сугроб, и угольями бошку себе присыпай, а ваше высокоблагородь не трожь!

– Так для чистоты ёксперименту надобно лечь и повторить, что было! Иначе не припомнить, знаков не разгадать. Тута зацепа нужна, большая зацепа для ума и размышления. Где же её взять, горемышную, без него? Неужель господин урядник пораскинет своим умишкой и доправит недостающее звено в измышлении нашем? Смогёшь, Степан? Не смогёшь! А гоношишься пуще вертлявой собаки. Перестань кастить¹². Как, Степан Лаврентьевич, согласны на ёксперимент?

¹¹ Гроб.

¹² Пакостить, вредить, грязнить.

– Деваться некуда. Согласен.

– Ты, Олесов, ступай в дозор. От тебя за версту кореньем и чесноком веет. Сами разберёмся.

– Ступайте, ступайте, Степан Алексеич, так лучше всем будет, – поддержал учителя Кондаков.

Урядник насупился, посопел для порядка, но делать нечего – раз начальство велит, следует убираться. Ковыляя кривыми ногами, он своей сифакской поступью оставил после себя странную цепочку следов раненого медведя,двигающегося одним боком вперёд, к тому же подволакивающего левую ногу.

– Ладноть, Степан Лаврентьевич, укладывайтесь на шкуры – они периной будут. А вот вам и амулет заместо одеяла, и тишина вселенская кругом.

Кондаков лёг в нарты. Учитель укрыл его тулупом урядника, сам отошёл поодаль. Чиновник поймал себя на мысли, что не помнит, чтобы кто-то когда-нибудь за ним так потечески заботливо ухаживал. Батюшку с матушкой своих он почти не помнил. Государева служба разъездов требует по бескрайним просторам северной губернии. Где уж тут семью создать, об уюте позаботиться!

Натянутый с подветренной стороны холщовый полог не давал упрямому ветру затушить костёр. Языки пламени безжалостно набрасывались на сухой валежник, рьяно вгрызались в него, а натолкнувшись на сучки, выбрасывали яркие столбы стремительных искр, моментально уносившихся

в чёрное небо. О, искры-звёзды! Мгновенное ваше бегство в неизвестность говорит о манящей её привлекательности. Может, именно вас и не хватает там, в круговерти вселенной, для образования новых планет? А может, эти крохотные мерцающие частички и есть одеревенелые посланцы космоса, разбуженные жарким огнём? Может быть...

Кондаков глядел на взлетающие ввысь по замысловатым траекториям искры от костра, исчезающие в чреве чёрного неба... А оно вдруг превратилось в штормящее море, ледяные воды его взмывали вверх небольшую лодку с пятью алеутами – охотниками за китовым усом. Самый крепкий из них стоял на носу лодки, судорожно всматривался в бушующую воду. Он приготовился к атаке, замахнулся острым гарпуном, но ноги его запутались в длинной верёвке, привязанной к нему. Двое алеутов бросились на помощь. Истошные крики чаек предвещали беду.

Лодка поднялась на очередной гигантской волне и встала чуть ли не вертикально. Прямо перед алеутом с гарпуном появился мощный китовый хвост, отливающий тёмной синевой, покрытый вьёвшимися в тело ракушками и грязно-жёлтыми пятнами. Гарпунщик от неожиданности пошатнулся, потерял равновесие и метнул снаряд, который угодил в край китового хвоста. Заострённое орудие вошло в тело рыбыны легко, специальные зазубрины рассекли толстые ткани кита без какого-либо труда. Люди в лодке вдруг всем своим существом ощутили, что кит находится аккурат под их хлип-

ким судёнышком. В момент атаки они словно услышали его глубокий вздох под водой и не на шутку испугались. В следующее мгновение китовый хвост с торчащим в нём гарпунном обрушился на алеутов, накрыв троих из них и разломив лодку пополам. Тот охотник, что вцепился в ручку руля и оказался в конце судна, так и ушёл на дно вместе с остатками снаряжения. Раздались ружейные выстрелы. Это к месту трагедии поспела большая шхуна. На её борту столпились люди в белых маскировочных одеждах. Они-то и открыли стрельбу по киту, который, впрочем, и не собирался далее оставаться в этом проклятом месте. На борту шхуны значилось её название – «Алеут». Всклокоченное море плевалось в борта вновь прибывшего корабля белой пеной. Чайки пронзительно кричали, выписывая низко над волнами самые разнообразные пируэты. Спасти кого-либо из горе-охотников не представлялось возможным...

Кондаков сочувственно вздохнул и хотел было встать, но перед его взором ожила картина зимней чукотской ярмарки. Рядом с большой ярангой чукча свежевал сваленных тут же клыками вверх жирных моржей. Рядом на деревянных жердях вялилась рыба. Ребяшня затеяла какую-то игру вместе с весёлыми лайками. Рослый чукча тащил тяжёлую невыделанную мокрую шкуру. А чукчанка в нарядной, желтоватого цвета ровдужной кухлянке размотала кусок обработанной шкуры. Чуть пригляделся. И вдруг отчётливо разобрал рисунок, нанесённый фиолетовой краской: киты, ко-

рабли, люди в лодках, моржи и какие-то загогулины вроде очертаний береговой линии и что-то ещё, напоминающее сопки или горы. Удивительным образом вся эта представшая взору Кондакова идиллическая картина делилась на две части: яранга и дети, одетые налегке, без малахаев и рукавиц – на белом, снежном фоне; охотник и женщина со шкурой-картой – на голых камнях, на которых проглядывали скромные северные кустики растений.

Безмятежность и веселье разом слетели с лиц чукчей, когда в центре стойбища оказался шаман с головой белого медведя вместо шапки. Его сгорбленная фигура наводила ужас на окружающих. Прикреплённые на поясе когти животных, камни и какие-то железные амулеты издавали злобные звуки. Следом за шаманом следовал человек в маске и с копьём, на острие которого был надет ловко сработанный чехол, привязанный к древку кожаными тесёмками. Судя по фигуре и чёрным, как смоль, волосам, это был молодой человек, который зачем-то прикрепил к маске седые усы, брови и нахлобучил на голову кусок белого меха. Шаман начал свой ритуальный танец, всё больше и больше склоняясь над землей. Круглые пластины на его груди лязгали в такт движениям, колотушка, казалось, вот-вот переломится – настолько остервенело он ей молотил по большому бубну. Мерзкие крики неизвестных Кондакову птиц, зверей, протяжные, завывающие звуки и горлопение – всё смешалось в одном сплошном аккомпанементе.

Человек в маске, крадучись, обогнул по кругу шамана, ловко скинул защиту с копья и с ожесточением стал вонзать его в моржовую тушу. Ещё и ещё! Ещё и ещё! Затем он скинул маску и страшным голосом, идущим откуда-то изнутри, завопил на всю округу. И вновь принялся втыкать копьё в разорванный бок моржа. Шаман бросил что-то в костёр, белый дым моментально заполонил поляну. На секунду показалось, что моржовая туша ожила, превратилась в белого волка, который тут же бросился в тундру.

Когда дым немного рассеялся, шаман стоял в задумчивой позе на коленях над человеком, сбросившим маску. Тот лежал без дыхания. И о, неожиданность: это была пожилая женщина. Седые волосы были спутаны, скрюченные руки с толстыми вздувшимися венами безжизненно раскинуты в стороны. Копьё было сломано и валялось неподалёку. Туша моржа исчезла. Шаман тяжело вздохнул, поднялся на ноги и, волоча за собой бубен и колотушку, ещё больше сгорбившись, удалился прочь. В округе стало слышно, как где-то неподалёку завыл волк...

Горевшее в костре полено громко выстрелило очередной порцией петард. Кондаков очнулся и резко поднял голову. Олесов и учитель сидели рядом и с удивлением смотрели на него.

– Что так? – спросил он у своих старших спутников.

– Слава богу, царица-заступница! Очнулся! Мы уж не чаяли, думали того... вы... – вскочил урядник и трижды пере-

крестился.

– Чего «того»...? – переспросил недоумевающий Кондаков.

– Уж шибко руками и ногами воздух молотили во сне, ваше высокоблагородь! Как тут не беспокоиться? – поддержал разволновавшегося Олесова учитель.

– И амулет старухи-чукчанки так в кулаке сжали, что не приведи Господь!

– Сказывайте, видения чудные одолели?

– Правы вы, Захар Алексеич, правы оказались, что иностранцев этих нам сейчас не найти. Оборотни они, из моржей в волков превращаются и в тундру бегут. – Олесов с учителем недоумённо переглянулись, а Кондаков продолжал: – Шли они не на одной, а на двух шхунах. Та, что поменьше, затонула. Экипаж погиб. А вот «Алеут» действительно добрался до наших берегов. И у людей с этой шхуны, одетых в белые одежды, чёрные мысли. Как бы беды не было...

– Тогда бежать, хватать их быстрее надобноть, ваше благородие! – засобирался в погоню Олесов.

– Погодите, Семён Лексеич, погодите маленько, – охладил пыл урядника Кондаков. Говорю вам, необычное это дело и нескорое. Разрешится оно не в наши времена. Потомкам ещё предстоит головы поломать над этой загадкой. Надобноть отчёт подробный составить и в столицу направить. Хотя о чём это я?.. До начальства далеко, ой, далеко. Здесь свои, досельные люди должны сведения об этой странности

сохранить и детям передать. Может, кто грамотный и сообразит, как с этой заразой управиться.

– Какой такой заразой, любезнейший?

– Вот кабы знал, сообщил. А так одни загадки да причуды. Даже не понял, что сам в них поверил. Одно ясно – дело это государственное и тайное. Посему, – Кондаков посмотрел внимательно в глаза каждому своему соратнику, – велю я вам, братцы, всё, о чём здесь поведали, хранить при себе. Строго!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородь! – Олесов сделал неуклюжую попытку стать по стойке смирно. – Что будем делать со старухой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.